

АНТИЭНТРОПИЯ

16+

Иван Шишлянников

Иван Шишляников

Антиэнтропия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66072430

SelfPub; 2021

Аннотация

Тьма сгущается, солнце остывает, энтропия подбирается всё ближе. Цель каждого стиха – остановить её наступление. Духовный поиск и любовь – вот инструменты, что использует автор для написания своих стихотворений. Давайте любить, верить и надеяться. Так победим же энтропию вместе!

Посвящается Дарье М., с любовью.

Содержание

Антиэнтропия	6
Пустыня уходит	8
Гонимся за Нулём	10
Богу по нраву дискошар	12
Мы отпинаем и Вирт	14
До чего же довело счастье	16
Кварк	18
Дом Плоти	20
Радужный афтершок	22
Смазанный кибер-Питер	24
Конец дискуссии	26
Я убиваю сердцем	28
О святом семействе	30
Сотка ружей и проза битников	32
Электрохимические цепи	34
Вечное сияние Дарьи М	36
Дачные сотки Бога	38
Поле в Питере	40
Демоник	42
Розовое перо	44
Перемотка замотанных	46
Астрабаклань	48
Коровы	50

ЛЕТО	52
Непонятие	54
Любовники дхармы	56
Приглашение проснуться	58
Миновать Минотавра	60
Общее сердце	62
Марш Царствия	64
Консервант	66
Мантра психокинеза	68
Как же вы опоздали	70
В жутко громком и запредельно близком	72
Мы стоим на Занзибаре	74
Город Бога	76
Любовь не сгорает дотла	78
Ангел-почтальон	80
Пускай всё обратится пылью	82
Абсолютный ноль	84
Все разговоры – трава	86
К истовым звёздам	88
Сын Иисуса	90
Много воды вокруг	92
Стать адептом красоты	94
Зеро К	96
Белый шум	98
Максимальный овердрайв	100
Гуд бай, энтропия!	102

Иван Шишлянников

Антиэнтропия

Посвящается Дарье М., грей мою душу и впредь.

Антиэнтропия

Если бы не свет утренний, то скатился бы кубарем,
Вписавшись в путину из путаниц, приняв звёзды за буси-
ны.

Забудем же, ведь за будкой рай гусениц,
Которым знакомо лучшее, они противники глупости.

—

Я этот Мир не замечал порой, был со мной внутренний
порок,

Теперь переступил хилый порог, глубина в этом месте по
Рок,

Есть в этом некий укор, говорят, что пал низко — по дья-
волов рог,

Предъявят же! Мы на последнем этаже, дальше лишь Бог.

—

О боже! Идут беды, недруги запустили ракету,
Созвездие рака даруй нам ответы, мы ещё дети!

Лейте спирт, лейте, не у всех нервы стальные,
И только лишь я вышел, предложив отменить энтропию.

—

Смотрите — это Дарья, к себе прижимаю прекрасную даму,
А небо рассекает опасная "Фау", что жаждет расправы.
Любовь всё исправит, с Дарьей мы крылья расправим,

Ни лево, ни право – что за забавы? Только вверх, только прямо!

–

Мы с Дашей взлетаем к самому Небу, где жаждет смерти ракета,

Чёрствое сердце – рак это, но не мне вам давать советы.

Целую Дашу так, что распаляется сердце, мы, как кострище,

Мир не щетинится, внизу счастливые лица; бывай, энтропия!

Пустыня уходит

Пустыня уходит, как и Бог, ставший чем-то вроде старых сапог,

И сам более не сапёр, на воле не слышится тиканье бомб.
Брось старый лом, ты молодой, идолов круши молотком,
Отринь этот трёп, как и старый храм, состоящий из догм.

—

Пустыня уходит, пора пойти и купить билеты домой,
Лето сменяется зимой, а в Лету кидают связки имён.

Для чего? Чтоб был обновлён, чтоб разжёл погребальный костёр,

Скинь всё, что пропитано Злом, сожги всё, что отвергалось душой.

—

Пустыня уходит, а значит, теперь ты другой,
Выше нос, будь молодцом, более не будет войн.

Поверх старых стен яркость новых обоев, разряди все обоймы,

Твой дух более не ободран, новым днём он ободрен.

—

Пустыня уходит, ведь люди сделали землю ухоженной,

Поняв, что этого хочет и Боженька, ведь каждый из нас особенный.

Тварей дали нам в собственность, как и дар творческий,
И теперь пески – прошлое, ведь деревья задышали кронами.

–

Пустыня уходит, ведь мы сами создали дождик,
Себя впечатлив до дрожи, сделав воздух морозным.
Раз мы победили Зло, раз разомкнули песков тиски,
Значит, пустыня слаба, значит, зелень коснётся и нашей души.

Гонимся за Нулём

Они вмазались, ибо им нравится жить по указке,
Укажи им центр лазером, пригласи в миры виртуальные.
Их слова обладают виральностью, слеплены с единым ха-
рактером,

Говоришь, что всё фальшь – харкаются, им страшненько.

–

А я возвещаю радугу, что была собрана гравитацией,
И цвета её кружатся в вальсе, уже никто не скажет мне
"хватит".

Это вы поддержали Хаос, мне он никогда не нравился,
На флаге набросал Дарвина, любовью расширил сознание.

–

Они вмазались и потерялись, а мы сели в машину с Да-
рьей,

Гоним не под скоростями, просто наши сердца играют.
Серых людей хватают теньевые копы, им в реальности пло-
хо,

Но мы разрисуем их опыт, а что? Бог тоже художник.

–

Несёмся сквозь разные сферы, съедая пространство и вре-
мя,

Пожираю тебя боковым зрением, нам не требуются перья.

Ты ангельским голосом пела, вжавшись в цветное сидение,

Ты мне доверилась, а значит спикируем в Вечность.

—

Они вмазались и ладно! Пусть играют с Богом в прятки,

Ты поишь меня лимонадом, а я радугу в тебя втираю.

Такие у нас забавы, нам не нужны опиаты, губки твои —
огонь,

Предлагаю остаться, предлагаю обняться — мы гонимся за
"Нулём".

Богу по нраву дискошар

Харе Кришна! А у вас хари кислые, будто листья кладбищенские,

Ишь ты! Духом нищ ли? Трясёшься, будто лист, над златом своим.

Что, будешь его перчить и солить? Будешь кидаться им в зрителей?

Снято! Софиты и камеры уж уберите, надоели ваши серые лица.

—

Тьфу на них, правда! Нападём с ножом из засады,
Как же клинок сей всадим, такое не снилось маньякам.
Бог с тобой, малявка! Это лишь шутка, это майя,
Руки не дам запачкать, но угощу грибами.

—

И грибов тоже нету! Долой истерику, за психоделику без психоделики,

Мы же художники, а не священники, долой и священное.
Связь Эросом, свет Вечного, не бывает в душе безупречного,

Пусть будут и просторечия, бушует и малая речка.

—

Давай будем малой речкой, давай будем мелом резать,

Вселенная вся в порезах, но, где рана, там исцеление.

Тем более всё это в безвременьи, где краски на уровне жемчуга,

Где ценится женственность, где брызги кисти, как ожерелье.

–

Ох, у них ожирение, засохнет инжир без веселья,

Так давай дарить треск весенний, дарить каждому обереги.

Это не борение, а психоделика, что отрезвляет пленника,

Мир сходит со сцены, Бог прыгает с Неба – начинается дискотека.

Мы отпинаем и Вирт

Вот мет, а модерн? Это и есть "метамодерн",
Истина явится в неглиже, искренность и в наглеце.
Синяк на её лице, лагает вещания сеть,
У модерна завещания нет, инфекцией пожран его скелет.

–

Вот мой пост на стене, а где "постмодерн"?
Так глянь – это гипертекст, теперь Твиттер – кладезь чудес.

Вязкий, как болотная местность, фальшивый, как горе-кудесник,

Его сноски лишь привидения, а отсылки – силки для времени.

–

Больше не слышен гомон молитв, все ушли в Вирт,
И я не криклив, ведь душа у меня не болит.

Это новое время – постпозитив, архаика – монстр, её победим,

О да, параллельный мир, где фантомные змеи и недомечты.

–

Не до мечты? Брось, чего ты соплив, отчего же скулишь?
Этим наркам лишь бы травки скурить, но ты не ведись.

Параллельный мир такой же нарыв, если тупость грести,
Пальцы скрести, не мне вас учить, уроки бери у птиц.

—

Да, теперь Мир будто кавалькада из разных пицц,
Тут более не получишь приз, все смотрят через оптику
призм.

И Мир, как призрак, трясёт костями, всё постоянно ме-
няется,

Но мне как-то пофиг на киберпанк, мы Вирт отпинаем с
Дарьей.

До чего же довело счастье

Что вокруг за беспредел? Будто бес при деле,
Ожили из праха змеи, облака нарисованы мелом.
Вместо капель падает мелочь, люди забыли о мести,
Больше не работают мерки, улыбаться начали клерки.

—

Какое веселье, вся живность вокруг сбежала из клеток,
Это что, новоселье? Нас решили прописать в психдиспан-
сере?

Хе-хе, это не бредни, это вовсе не стухший бренди,
Мы просто живём в моменте, как это было и в детстве!

—

Куда бы от серости деться? Нудятина крепче, чем шутки
в ликее,

Но я лица не мерю, просто впечатал вас в измерение.
Ой! Прав был Гейзенберг, вариации не измерить,
Оно разорвало время, оно хочет от нас... веселья?

—

Да, ребзи, это метавселенная, я в Дашу вот втрескался,
А Мир как растрескался, открыв делишки чудесные.
Тут все чокнулись, танцуют так, что искрятся локти,
От смеха тут можно лопнуть, грустных забрызгав любо-
вью.

—

Ах, до чего меня довело счастье! Тут Бог растворился в блюграссе,

Мы с Дашей пробуем глясе, её личико, как глянец.

Глянь-ка, Миру не нужна огранка, он будто ком яркий,

Тут мечтатели – это данность, тут салюты даже из пальца.

Кварк

Кому-то тентакли, кому-то пентакли, а мне только Дарью,
Мне б тепло её объятий, мне б искры её касаний.

И Мир не покажется странным, хоть и связан из стран раз-
ных,

Есть место коварству, хмелю и пьянству, но пшик нам
опасность.

—

Ибо мы скажем "нет" грубиянству, пройдем мимо клад-
бищ,

Ведь Дарья лучше всяких гарантий, Даша – мост в "зав-
тра".

Приготовит мне завтрак, а я предложу завести Кварка,
Он невидим, но ладно, а Даша сладкая, как шоколадка.

—

Наливаю ей латте, ловлю её взгляды, ты семья моя, зна-
ешь?

Мы с тобой не пастиш, мы с тобой любим есть пасту.

Нас не любит разная паства, нам даже не нужна карта,
И плевать на богатства, предлагаю вместе карабкаться.

—

Мы садимся в машину, я в кресле откинусь,

Чтоб смотреть, как светятся лица, как сменяются виды.

Да, мы мчимся, а дорога крива, ведь зовётся "жизнью",
Разве это не милость? Мы теперь одно, в далёкие дали
мчимся.

—

И это так хорошо, я рад, что в искорёженной жизни тебя
нашёл,

Показал тебе шоу, предложил стать семьёй.

Нами доволен Бог, с нами Кварк – невидимый кот,

Изъездим сотню дорог, у нас появится космический ось-
миног.

Дом Плоти

Друг, нафиг твой полдник, сегодня видал "Дом плоти",
Воняло чем-то палёным, видно жгли волос.

Фу, какого?! Фут уплёл я, ведь и сам типа футуролог,
Это всё кривотолки, нормально плоть жрётся, не жжётся.

—

Типа "Канал кожа", антенна вещает прям в мозге,
В глазу зернистая плёнка, Курт варит варево для чемпи-
она.

Воздух ввалится в лёгкие, сцепившись с пустотою,
За это, мать твою, боремся – за планету из трупов в Кос-
мосе!

—

Новая нормальность? Типа быть киберпсами?
Доедать шмурдяк из-под хозяев, плясать днями и ночами.
Зачахнешь! "Дом плоти" – вот реальная вмазка,
Там все мертвы, а потому телам не нужны маски.

—

Улёт! Дьявольская пляска, белый шум, красные бляшки,
Сносит башню? К чему иронии уколы? Я типа футуролог,
Реальность набила оскомину, а я предлагаю приколы,
Назови это игрою, давай чувствовать Мир по-новому.

—

Расскажи всем про "Дом плоти", типа там жужжат осы,
Будь расторможен, тяни уравнение Бора, как гармошку.
Чел, это не стрём, ты во сне не знаешь, что это сон,
Суть в том, что есть сон, а есть наш Мир, но что там, блин,
за ним?!

Радужный афтершок

О, наркоши, опять их торкнуло, так-то они зашоренны,
В мозгах антибиотики, потянись-ка за штопором.

Этих уже не заштопаешь, в их синапсах дрянь и копоть,
Будешь драпать? Валяй, что уж! У них не кровь, а вязкий
соус.

—

Что? Да, в их мозгах полость, это раньше звали душою,
Теперь всё в прошлом, не осталось лакун для Бога.

Я не ною, мы топаем по помойке, огибая дурные при-
стройки,

Город чушь городит, тут лишь овощи, хоть мы и не в ого-
роде.

—

Чем я накачан? Любовью, потому-то плевал на наркотики,
Здесь странный народец, заменили фальшью солнце.

Это же Вирт, что там трогать? Какой после "выжигателя
мозга" опыт?

Брось это, яркость и так просится, Дарья в плечо тыкает
носиком.

—

Показал ей дивный Мир, который испугал и пустыню,
Она знает, что не надо быть такими – бедными и больны-

ми.

Мыслим мечтами большими, они открывают дверь больницы,

Ни королев, ни принцев, просто танцульки с жизнью.

—

Хо, они корчатся, это боль? Это призрачный зов,

Реальность берёт своё, но нас зов не возьмёт.

Запускаю в небо Любовь, палит ярче, чем тысяча солнц,

Мы оживим это место с Дашей, грядёт радужный афтершок!

Смазанный кибер-Питер

Год 2021-й, встречайте – развитая технологическая эра,
Питер впитал Эрос, наноботы пропитали скелеты.

Идёт селекция, всякие джанки не знают, куда деться,
Из пор сочится секреция, хватка у киберпса зверская.

–

Что там на Невском? Туристы из Поднебесной?

Улыбаются, но это мерзко, их глазки ищут секретное место.

Мескалин плескается в Оккервиль, улыбка горит – у меня гамбит,

Знаю, как устроить "взрыв", покажу параллельный мир.

–

Какие ещё "Алые паруса", пацан? Киберпанк, как сапсан,
Если Мир плоти – тюрьма, то забегай в "Маринад".

Пока у каналов трясёт голограммы, мы настроим твою программу,

Не пожалеешь ни грамма, расколем твою реальность.

–

В "Маринаде" особое мясо, консервы из неземной дряни,
Отбрось дрязги, твой миг станет вязким, узришь атомную пляску.

Эта жижка вмажет в Астрахань, слышь, заешь её мясом,

И Мир размажется кляксой, будешь ребёнком в коляске.

—

Мчать сквозь кибер-Питер в этом конченом Вирте,

Слаба плоти обитель, как и то, что разум не может вме-

стить.

Это что-то из индуизма, совершенно поедет крыша,

Но это 2021-й, это размазанный по губам Бога кибер-Пи-

тер.

Конец дискуссии

Отдых после дел, неужели? Какой отдых в постмодерне?
Смыслы пляшут, как тени, витальность потеряло и тело.
Теперь Миром правит не Бог, а истерик, мы мишени,
В нас серостью целят, хотят заковать в тяжёлые цепи.

—

Но "чистые" такое не ценят, они помнят прошлое время,
Извлекаем из него здоровое семя, чтоб забыть и эти ступе-
ни.

Они отупели, их Бог – деньги, но этот фетиш нелепость,
И я Дарью на руки беру, чтоб эффектно исчезнуть.

—

Мы идём по Питеру, а всё сладкое, будто мы кондитеры,
Смотрите же, "Этажи" вместили небожителей.

Расскажите им, мы шагаем, как победители,
Ведь у нас иная алхимия, реагенты растворят уныние.

—

Вот улы, пчёлы летают, как пули, террор коснулся улиц,
Я современный Улисс, Дашу целую в губы, чтоб "серые"
поперхнулись.

Их Мир какой-то лоскутный, слеплен из суррогатных про-
дуктов,

Рогат, как трамвай, кондуктор, охотится на нас, как акула.

—

Будто бы ищет "зайцев", что в Питере затерялись,

Мы в серость вклинили яркость, берите нас и хватайте?

Так не покатит, будем смеяться и Зло в Мир не допустим,

Тут заряжен любовью я, рядом заряжена Даша — конец

дискуссии.

Я убиваю сердцем

Ребзи, не перевожу стрелки, но сам стрелок меткий,
Подлецы раздают чёрные метки, их слова едкие.
Смыслы теперь объедки, под пыльцой корчатся детки,
У меня было и есть дело, несу любовь в мир Постмодерна.

—

Помпезно полезли в посмертие Помпеи,
В пустоту целюсь глазом, чтоб объять Откровение.
И Питер теперь от крови засыреет, ведь вопят наши пред-
ки,
Думают, мы их предали, Мир наш в треморе, нужен ме-
диум.

—

Найду медиану и не ради медали, мой разум стреляет,
Как архитектор черчу и стираю, нужен порядок.
Я стрелок, но мишень – архаика, что кровью харкается,
Не делает между ложью и правдой разницы, Питер за на-
стоящее.

—

Я стрелок, в стрельбе знаю толк, моя кровь – электриче-
ский ток,
Смог то, что Исайя не смог, наставлял Иоанн Богослов.
Револьвер из чего? Се белая ангельская плоть,

На дуле написано "Нет милосердию, грядёт Любовь".

—

Питер более не одинок, хоть и состоит из разных дорог,
Теперь его охраняет стрелок, что в Мир радость несёт.

Пострадность, теперь мечты стали явью – это верно,

Как и то, что весь кладбищенский пепел я убиваю серд-
цем.

О святом семействе

Ах, святое семейство, сяду к вам на скамейку с честью,
Честно? И сам я потомок Евы, одно с вами древо.

У меня дело... Можете послушать? Душа заболела,
Раны пластырем залепим, верно. Что делать с сердцем?

—

Мне бы свечку за здравый скепсис, мне бы Твои слёзы на
сепсис,

Есть смелость, есть лень, но это лишь шум белый.

На глазах порой бельма, Ты – лоза, а я – виноград неспе-
лый,

Хочу быть трикстером, шельмой, хочу шутками травить
серость.

—

Мария, пусть малыш станет моей Мультивселенной,

Искривит мои мысли в духе Эйнштейна, хакнет нейрон-
ные цепи.

Это цели, пусть и Иосиф просит, ибо не нужны мне нар-
котики,

Хочу быть агностиком, пусть Мир заселяют чудовища.

—

И пусть пришельцы устроили пирамиды, не будет у меня
идолов,

Пусть малыш станет моим гидом, пусть будет призраком.
Он скомкает все обиды, эго часто торчит в "субъективности",

Но это наивно, правда, Мир глубже Марианской впадины.

—

Хочу в Мир приключений падать, хочу воспевать шалость,

Захочу, съем шоколадку, захочу, гляну дурную дораму.

Взрослым тоже непросто, но после них ломаю кривые кости,

Чтоб ушли стыда уколы, чтобы все улыбались с любовью.

Сотка ружей и проза битников

Сотня ружей и проза битников, сидим в луже и шуршим мыслями,

Сиги тушим и жмём полтинники, наши книги – наши будильники.

Сотня ружей и доза "прозака", подарил бы стеклянную розочку,

Я люблю твою милую мордочку, с тобой счастлив и в этом Мордоре.

–

Твоё тело и твои косточки, космос в глазках и мочки с примочками,

Целовать и причмокивать, не обменять и на Белые но-ченьки.

Замочили в Неве ноженьки, что-то в небе рисует и бо-женька,

Сотня ружей и мечта художника, твои губы, как сад ухо-женный.

–

Их Мир – силки для убожества, мы в их тир принесём дротики,

В трактир занесём йогурты, в тюрьму принесём комиксы.
Сотня ружей и слюни на кодексе, твои ноги, как классиков

творчество,

Воскресение – это пророчество, наши танцы – барокко и чё-то большее.

–

Наша правда уже не колетса, а крапива не краснит кожу,

Ты красива, вот и Мир торкнуло, слушаю ритмы под твоей футболкою.

Мы играем в футбол учениями, из наших пальцев вылезают змеи,

Сотня ружей и яркие склепы, где в покер шумят привидения.

–

Сотня ружей и проза битников, какие ещё отличники?

На "отлично" мы делаем блинчики, обгоняя снобизм столичного.

Сотня ружей стреляет разом, твои губки надувают жвачку,

С тобой страстно и в Эрмитаже, с тобой страстно и на окраинах.

Электрохимические цепи

Электрохимические цепи, превратите Миры мои в пепел,
Наметайте икры в мои зенки, базарьте на диком сленге.
Сбейте нейроны, что кегли, ДНК забрызгайте клеем,
Загрузите чернуху на флешку, только, блин, не робейте.

—

Цепи выбрали цели, куцый стал целым, кустик стал елью,
Еле-еле мы стали умнее, всё сами, без дурацких зелий.
Мы читали какую-то ересь, автор жёг, а ты и не верил,
Автор врёт, но говорит правду, книга улёт, но никто не
читает.

—

И воробей уже не чирикает, ибо и он продал свой принцип,

Каждая тварь поникла, теперь повсюду столица.
Бог тоже столицей, думает, как на церкви нажиться,
Сна нет, не ложимся, внутри сна рекламные титры.

—

Какой ты хитрый, битник, бит вруби-ка, играя микшером,
Ты фальшивка, ложь и зараза, куда тебе до Де Сада?
Я покажу, как надо, ведь я искушённый читатель,
Христа опять распинают, но улыбка не притянет взгляды.

—

Электрохимические цепи, давайте режьте резче, есть раз-
ве время?

Это для вас Мир, как бремя, я всё ещё музыкант бремен-
ский.

Берега путаю бегло, Даша прижата к щеке, мы налегке,

Цепи в руке – стяг сражения: серый Мир против нашего
воображения.

Вечное сияние Дарьи М

Вечное сияние чистого разума, ты лучистая и слаженная,
Каждая косточка смазана, но так мало слов было сказано.
Ты складная, это не мнение старца, это слова озорного Ва-

ни,

Что дышит в тебя мечтами, что льды топит твоими очами.

—

О чарах могу говорить часами, ты восточная сладость,
Ты нимфа и туринская плащаница, под твоей футболкой
могу укрыться.

Груды твои слаще, чем запахи Крыма, от тебя спелеют и
сливы,

От холода мы сможем укрыться, в любви растворившись.

—

Не принцип, но дебаты прилипли, где диванные вскрики
были,

О Красоте они говорили, говоря, что всё "субъективно".
Но я то знаю, что это барьеры обиды, они ноги твои не

видели,

А я их вижу и трогаю, внеземной Красоты исполненный.

—

Ничего они не познали, я держать тебя буду за талию,
Поцелуи запрыгают пятнами, моей любовью будешь "за-

пачкана".

Комплименты сыпятся пачками, по твоему телу бегают пальчики,

Не оставляя ничего тайного, наш Эрос становится явленным.

—

Стыдиться ничего не буду, на подносе жизни ты лучшее блюдо,

Губы, как искры салютов, твоя нагота под одеялом лоскутным.

Со мной ты будешь распутна, всю боль захочу я распутать,
Целовать тебя каждое утро, воспевая красоту твою чудную.

Дачные сотки Бога

Боженька, а ты всё работаешь? Вселенная – не дачные сотки,

Тебе не дашь и сотки, если согласишься на это "убожество".

Это людская логика, твои слюни – плазма глюонная, ты художничал,

Что ни чих, то слово божие, что ни сон, то штрих для Космоса.

–

Чёрные дыры и всякие полости, людские колкости и сверхновые,

Тебя печатают на футболках улётных, тебе в грозу молятся.

Бог бы с ним, Боженька, этот трёп для аграрного общества,

И Библия лишь мифотворчество, они скорбят о твоём одиночестве.

–

Боже, но я ведь знаю правду, ты научил меня улыбаться, Помнишь те диски пиратские? Помнишь петарды в падижке?

Нет, я не продам тебя, в рекламе ты не нуждаешься,

Но ты подарил мне красавицу, не грех тебя поподкалы-
вать.

—

Не тебя, а твой образ жизни, ведь ты старичок хитрый,
Они прыг на свои машины, начинают кричать обидное.
Бог с нами, вот его эгида, Бог большевик и предтеча со-
циализма,

Он хочет, чтоб вы молились, после смерти готовит ми-
лость.

—

Какая ещё милость? У Бога на земле грибница,
Он дед, но ещё молодится, внуку делает деревянных пти-
чек.

Жарит лисички, хохочет, с бабкой хлопает в ладоши, за-
прягает лошадь,

Его волнует тепло и забота, ему отдых, а нам терь правле-
ния борозды.

Поле в Питере

Пришёл на то поле в Питере, где Бог задумал убить себя,
Отсчёт времени на старом будильнике, цифры невидимы.

Цифры – лепестки, что бдительны, мрут герои, а в кругу
победители,

Пальцами провожу по литию, отдавая себя наитию.

–

Ангел неба, как коршун, накинудся, его хлеб – это "отки-
нуться",

Поле в Питере снова окликнули, зазывая на славную бит-
ву.

Они с бритвой идут и с палицей, Бог диджей, искры из
пальчиков,

И шаманки съедают мальчиков, нарушая равновесие шат-
кое.

–

Пришёл я сюда с лопатой, рейв Бога не в моём внимании,

Лепестки в моём бумажнике, по твоим веткам прыг-скок
букашеньки.

Буду, дева, копать старательно, хочу в сердце своё вобрать
тебя,

А вокруг лишь глупая братия, а вокруг лишь пляска кро-
вавая.

—

Поле в Питере и танец Смерти, муки Бога и голые черти,
Я лопатой отбиваю нечисть, смотря, как взрывается Небо.
Языком до твоего нёба, вокруг фантомы и в пупырышку
бомбы,

Меня оплетают твои ветво-ноги, поле в Питере, как храм
Соломона.

—

Поднимаясь, я спускаюсь со склона, запустив тобой пере-
мотку,

Мертвецов вокруг целая сотня, они пляской шагают до
гроба.

Раскопал твой живот и трогаю, атомы вальс натанцуют
шёпотом,

На поле этом теперь солнечно, поле в Питере, как начало
нового.

Демоник

Мы с Дашей предавались любви, а Бог нам решил позволить,
-

Чихал на экстази и мескалин, нам вопил, что душа болит.
Мы с Дашей проведём экзорцизм, Богу надобно съесть грибы,
-

И в трипе из богово-кислотных слёз раскроем косточки Сатаны.
-

Попали мы в разум Бога, а там увидели Толстого,
Этот барин стоял с винтовкой, а после крикнул "по ко-
ням!".
-

Дашу на руки взял спокойно, а лес Бога состоял из при-
колов,
-

Кукол ангелов вокруг по горло, лебеди из шин вместо со-
сен.
-

Даша в лето превращала осень, и черви-демоны тут же
корчились,
-

Я наиграл на гитаре любовь, а Даша строки свои испол-
нила.
-

Исполины нам не страшны, Даша из сердец достаёт ножи,
С ногами Лазаря мы на ты, слёзы Даши, как озёра любви.

—
Волны счастья отражают лучи, я с Дашей и я сёрфингист,
Даша губы целует мои, а братва Сатаны вопит.

Чертям не сдюжить наш бит, наша любовь в небе солнцем
горит,

И Бог уже не будет гнить, ощущая, как я к Даше приник.

—
Прикинь, прошли все арены, а на последней сидел Досто-
евский,

Он резал вены свои, не понимая, что можно жить легче.

Я Дашу осторожно раздену, чтоб всех бабочек отправить
к свету,

Тьмы резкость исправим страстью, каждый стон обратит-
ся в счастье.

Розовое перо

Розовое перо и мой пронзающий взор, стены дома, что мёртв,

Твоё сердце, как мотор, касаюсь твоего живота и завожу его.

Любовь, как секретный приём, на тебе остаётся только бельё,

Смотрю на тебя в упор, пальцы касаются ног, под нами танцпол.

—

Из серых стен коридор, блеск губ оживит мертвецов,

Смотрю на твоё лицо, взбираюсь по нему на холм, где плачет Бог.

На осколки бьётся всякая боль, капли влаги покрывают стекло,

Тебе со мной хорошо, кружим вихрь, что оживляет дом.

—

Мчимся, как снежный ком, нас не остановит коп,

С тебя слетает твоё бельё, ты в руках, как святое копьё.

Зайдём с тобой далеко, чтоб и призрак услышал стон,

Заискрится фонарный столб, на ягодицах отражение звёзд.

—

Твой вздох, и оживёт прошлое, мои руки, что вызывают дождик,

Губы, что высекают грозы, прогулка по лугу, где мы с тобой голые.

Над тобой порхают голуби, твои груди дурманят мне голову,

Красота мне открыта полностью, растворяемся в этом Космосе.

—

Стали мы для Мира помощью, оживили созвездия мёртвые,

С пылкой страстью тебя трогаю, твоё тело исходит волнами.

Мы единое, мы нечто большее, в руках груди твои и волосы,

А ты спину мою трогаешь, рисуя руны стройными бёдрами.

Перемотка замотанных

Дорожная карта, тёртые карты, твоя тень у красного "Кадиллака",

Разноцветная рубашка, жёлтая панамка, мы готовы выдвигаться.

Розовое небо вырвиглазно, против Зла отраслили панцирь,

Кварки плещутся в отражении лака, у дороги прикид торнадный.

—

Вспоминай наши променады, как Нева шурила глазки,
Как дом божий в тенях скрывался, любовь рысью бежала по саду.

Каждый памятник улыбался помято, под ногами шумела мята,

Цвет помады отпугивал падаль, наша миссия — вставать, а не падать.

—

Я люблюсь твоим задом, в моих словах разная заумь,
Наши руки сплелись в "Кадиллаке", время передачи задней.

Мир — суицидальный парень, его не свяжешь ремнями,
Мы с тобой, мы не в яде, а рядом, плоть Бога возвращаем

обратно.

—

Прыгать часто в любовном обряде, развести в города ароматы,

Перемещаться в направлении обратном, чтоб ушедшие воскресали.

О нет, их не зря же кромсали! Афтершок не хуже, чем Лазарев,

А я затыжку делаю Дашей, говоря: "Не дрейфь, всё исправим".

—

Машина у нас едет задом, конец мы возьмём за начало,
Исцелим тех, кто сторчался, из пепла сотворим детский лагерь.

Энтропия вновь замолчала, любовь Даши — мой любимый приём,

Шагается нам вальяжно, а если перемотка откажет, юза-нём мы гал-дол.

Астрабаклань

Товарищ, это Астрабаклань, тут варево у людей сгорает,
И пришельцы мрут городами, видя, как муравьи воруют
пижамы.

Сержанты тут – рассерженные краны, а цирк по небу и
бумерангом,

Встаю каждый день спозаранку, чтоб ангелам сделать фо-
тографий.

–

В центре города сингулярность, она на чувствах мёртвых
играет,

Её пытаются под арест сбагрить, а эта шельма играчка в
карты.

Дал е; кличку "Атом", по крышам ползал надувной алиг-
гатор,

Копы чесали свои шляпы, хотели в кодекс внести и вату.

–

Это Астрабаклань, дети, мне тут совсем не хочется ве-
рить,

В газете рубрика "Крыша едет", сам творю варёную веч-
ность.

Тьма бы откусила конечность, но ей и так до коллекторов,
Заговоры заговора – моя коллекция, читаю учёным про

женщин лекции.

—

Меня не разбирает ленность, кредит даю редкостным привидениям,

Они те ещё затворцы высот, каждый стих мой – это крещендо.

Эта Реальность, блин, падла крепкая, чудеса не случаются редко,

Им тут на каждом шагу место, не успеваю раздавать хэштеги.

—

Они на сингулярность хэбешку, а я подбираю словечки,
Чтоб Мир прыг в сон, как овечки, а проснулся уже посвежевшим.

В Астрабаклани нет жести, тут мечтателю есть место,
Заряжаю револьвер "Божье сердце", чтоб тухлый Мир наконец треснул.

Коровы

Ты сидишь за своим столом, что-что чертишь своим пером,

Чувствуешь, как хлюпает нос, как дождь общается Морзе.
Морфий никогда не был ответом, он был хлипкой дверью,
Но только для самых смелых, для тех, кто умеет верить.

—

Стены с тобой говорят, им не хочется тут стоять,
Но у стен своя Судьба, как и у тех, что падают в Ад.
Ты мечтал узнать, что есть там: дороги, улицы, города?
Своя у Бога на плечах бошка, кидает тени на мясокомбинат.

—

Бог художник, а не педант, Бог Де Садов консультант,
Души падших продолжают свой марш, на скотобойне давя рычаг.

Только крики, только печаль, перекрестится и пономарь,
Он не знает, что Бог эмпат, множащий чувства в сто крат.

—

Ты сидишь за столом и пишешь, у тебя новая страшная книжка,

И мысли курятся лихо, порождая кровавые виды.

Вилы фермера, мёртвый первенец, вечное отсутствие зелени,

Пусть потаращат зенки, от твоих книг затрепещет грешник.

—

А Богу только усмешка, он твой самый главный оценщик,
И никто не знает, конечно, что Ад живёт вне всяких подземок.

Ад тут, он рядом, на старом и замызганном мясокомбинате,

Где кричат даже маньяки, чувствуя боль всяка мясного шмата.

ЛЕТО

Никогда не мерил мудреца, талдыча, что конечна зима,
На небе же чёрный ожог сиял, запуская комковую гарь.
Им бы угар опиата, в попытке опоясать слабость,
Пробе жалкой станцевать танец, живя в безверии и стена-
ниях.

—

Окруживши себя стенами, читая из мрака романы,
Всё глубже в землю вгонялись, никогда уж не улыбаясь.
Сам был в улыбном достатке, десной ослепляя пьяных,
Бряцал мимо пыльных кафедр, сообщая, что счастье ре-
ально.

—

Таких тут обычно скрывают, мне кричали, что "походу яз-
ва",

Им хотелось плакать и плакать, утопая в беспечной печали.

На дверях храма писалось "басни", животных заставляли кусаться,

Тушили оптимистов факел, про любовь плевались "враки".

—

Как жалко, зима их поела, лишив победы и хлеба,

На знамёнах знаки депрессий, а от снега некуда деться.
Закрыт светлый мир детский, сожжён блокнотик поэта,
И всё же: зима скоротечна, печаль не бывает вечной.

—

Я был с этой идеей, я жил с этой идеей,
Хоть мне никто и не верил, с улыбкой ждал изменений.
И вот тебя, Дарья, встретил. А кто ты, если не лето?
Зимы уже больше нету, а я подогрет твоим блеском.

Непонятие

Его звали Вэниш, никогда не хотевший деньги,
За них готовы раздеться, этих голышей он облёк в сонеты.
Он сосал соки уверенно, прозвавшись "бычий цепень",
И совсем не давал Богу оценки, воруя мутно-синий из
речки.

—

Они жужжали москитно, а он бошковитый московит,
У Вэниша ничего не болит, волнительна здоровая жизнь.
Есть чему поучиться у чела, попросим совета?
Замутим какую совместку, покумарим о крепких.

—

Вэниш, как ты, только без кепки, он тоже студентик,
Это всё шаражные стены, мы ж целим в Вечность.
Он типа студент богослов, исходил всяка разных троп,
И его запрещённый приём смешон – "Вэниш хочет жить
хорошо".

—

Такое чувство, что туман, за словом не лезет в карман,
Все эти яппи-йоги "ла-ла, каббала", вообще не фильтруют
базар.

А он чисто здоровенная свинья, что ищет в лесу трюфеля,
И вместо "хрю-хрю" говорит: "надо много читать и гу-

лять".

—

Мы слушаем, ну тупо омар, он просит нас рисовать,
Воображалку включать, мож и писать слегонца.
Вот же пацан, накапал на мозг, а мы и не знали,
Легче пойти жрать грибы, чем слушать такого баклана...

Любовники дхармы

Самый одинокий Бог как-то взалкал тепло,
В его подъезде было темно, лишён друзей и удобств.
Боже вышел на свой балкон, окинув глазницы звёзд,
И начал вихрить пером, расчеркав Космос всяка живьём.

—

Мы с тобой божьи потомки, тоже идём в потёмках,
Я в пещеры хохочу громко, чтоб и эхо продолжило топтать.
Наше сердце – грязные топи, там ил, фантомы и кости,
Но тяну себя сам за волос, малюя счастьем на старых обоях.

—

Мы с тобой, как бесхозные птицы, нам зябко, хотим вот
прибиться,

И пишем осколками книжки, делая далёкое близким.
Налю Богу как-то "Виски", подниму тост за все ошибки,
Не возьму музыкальные диски, пусть в мелодиях дрыхнут
близкие.

—

С Богом ни во что не верим, о Любви пробазарим вечность,

Мы знаем, что будет легче, тёплый блюз согревает плеер.
А Бог всё ищет свой берег, стучась в разные двери,

Благословляет на путях ветер, чтоб тропы отвечали нежным.

—

В тот скользкий вечер, когда всяк не на своём месте,
Обнял твои стройные плечи, предложив дойти до подъезда.

Теперь с тобою рядом – обойдём преграды, лопнем заката,

И возьмём счастье задаром, мы простые любовники дхармы.

Приглашение проснуться

Странного человека вели на казнь, а он умудрялся плясать,

Была пряма его осанка, а в глазах читалась ясность.

Одет, как типичный скиталец, но сколько же в нём деталей...

По лицу улыбка гуляет, скулы как будто из камня – красавец!

–

Он ещё и сказатель, умудряется с толпой общаться, Его тембр не знает печали, он идёт, хохоча и крикая.

Сам вот готов послушать, он кричит, что "мы тоже души", За ним сны идут неотступно, он и прошлое, и будущее.

–

Повидал я разные жизни, стольким версиям удалось воплотиться,

Нищетою был, бывал и принцем, видел избушки, зрел и столицы.

И это не небылицы, мне опыта довелось напитаться,

Но это вечно не может длиться, мне пора становиться выше.

–

Вы, души, такие простые, не знаете вовсе, что постоянно

спите,

И все мои прошлые жизни – это сны, что затемняли видимость.

Не пойму, мы разве с ним виделись? Что-то щемит в груди дико,

Будто мы с ним одно единое, будто мои произносят мысли.

–

А он всё хохочет так же, палач уж готовит плаху,
Кусаю от нервов пальцы, мне не хочется смотреть дальше.
Зажмурился, слышу стук, голова закружилась вдруг,
Просыпаюсь в холодном поту: я реален иль всё ещё сплю?!

Миновать Минотавра

Это Греция, это запах Культуры! Запах скульптур, запах купюр,

Это Греция – трель из причудливых звуков; место, где жили Музы.

Поприще для мудрого мужа, земля, где не опустятся руки, Земля, куда пришёл я в путях, агора, где мне захочется думать.

–

Это Греция, я же лишь путник, мне бы поймать попутку, Найти место, где исторгнется глупость, где сомкнутся в улыбке губы.

Площадь, где керамика пляшет, сидит старче, что нечто знает,

Мне бы стать его наставником, ведь нуждаюсь давно в медиации.

–

Хрустят его старые пальцы, скрипит, что знаком с Ариадной,

Он знает, где лабиринт запрятан, он знает, что правдив Минотавр.

Проводит меня по блату, отправляет в когтистые лапы, Старик с чудищем исчезают, оставляя меня в скитаниях.

—

Тьма и фантазмов мерцание, одиноко, но есть созерцание,
И я бегу по лабиринтам сознания, поражаясь своему
незнанию.

Мне подвластно так мало вещей, что меня разбирает гнев,
И почему я бывал так слеп?! Меня мучил неверный
успех...

—

Всё это так неловко, на тропе духа нужна сноровка,
Мы блуждаем с вами в потёмках, заявляя о себе слишком
громко.

Меняться никогда не поздно, Минотавр вновь сотрясает
воздух,

Улыбается мне исподлобья, желая беззвучно обрести Сво-
боду.

Общее сердце

Наш Мир подобен сердцу, а оно никогда не стареет,
Смотрю на тебя и млею, мы с тобой сердечные скрепы.
Мы взрослые, мы дети; мы за мир, мы за сопротивление,
Ибо и мы с тобою сердце – ритмика целой солярной системы.

–

И Бог тоже сердце, весьма тёплое, можно согреться,
В тебе юность нестареющей Греции, в тебе мудрость сего
человечества.

Мы местные, мы беженцы, идём сквозь всполохи свежести,

Настроены уши на ангелов пение, нам в руки планета вверена.

–

Мы сердце, свой у нас ритм, сердце Мира порою болит,
Наши руки не бывают в крови, мы здесь, чтобы лечить.
Наш ритм – музыка звёзд, мы сжимаемся, потом растём,
В наших лёгких воздух из нот, мы слышим планеты ядро.

–

"Я мост" – так тебе я сказал, предложив всё объединять,
Мемуары и города, христианство и рев хаззана.

Мы сердце – это наш стиль, поражает меня твой вид,

И на выдохе сжимается Мир, чтоб наш рокот придал ему сил.

—

Бог – сердце и мы с тобой тоже, от этой мысли мороз по коже,

Теперь делим с тобою воздух, соединяя всякие точки.

С каждым стуком нас только больше, наш Мир, как квасные дрожжи,

Наше кардио единой дугою, мы рядом – мы целый Космос.

Марш Царствия

"Дух божий витал над водою", пуская каскад волнительных узоров,

Казалось так, что и у них есть ноги, их томное дыхание прыг-скок по коже.

И рябь оделась в одеяния из плоти, коснувшись сочленений мозга,

Расстроив синапсов мотив тревогой, создав момент для снов и дрожи.

—

Есть полушария – левое/правое, в них зарождаются влечения разные,

Но это моё – "процессор для разума", оставь убеждения картезианские.

И так угощу тебя моментами тайными, в снах обитают истории странные,

В фантазмах шагал по странам загадочным, где исцелял даже припадочных.

—

Представь времена аграрные, когда не было психоанализа, Мозоли ног скрывались сандалиями, а уста говорили о Царствии.

Рыбаки и плотники лицом сияли, ведь мой глас отпускал

их печали,

Люд на свободу выпускали кошмары, марш Царствия за-
пуская.

—

Эти строки и меня ласкали, ведь и сам в тревоге купался,
Зрел рождение христианства, в этом процессе участвуя.

Были праздники – мы праздновали, были болезни – мы
кашляли,

И старались познать медитацию, чтоб печали больше не
здоровствовали.

—

Эти люди простые мне братья, мы считали, что жизнь дана
в счастье,

И распятие их не сокрушило, ведь тот Пророк обошёл эн-
тропию.

Сам сон прошёл как терапия, сказав мне больше о трево-
гах и Мире,

Если во сне стал улыбчивым Богом, то насколько же мы
"большие"!

Консервант

Пялишься в белый экран, будто ароматный консервант,
Твой Мир – это старый диван, тебя не заботит война.

Отношения людей – восточный базар, где на глаз опускается тьма,

Ведь не видна человека душа, нам остаётся только гадать.

–

Нужен Йешуа, что скажет "вставай", а может в голове голова,

Жизнь поощряет азарт, порою забыв о тормозах.

Ей стоять с рук всё спускать? Иль носом чуют спираль,
По которой ты мчишь к Небесам, а порой спускаешься в Ад.

–

Можно сказать, что ты сам виноват, ведь никто за тебя не решал,

Думать хочется, что ты великан, а ты всё талдычишь "я мал".

Сделай шаг не спеша, мать не скажет "надень свой шарф",
Гравий топчет твоя нога, приключение начнётся с нуля.

–

Вот цепь, вот пила, пришло время освободить,
Ведь легенды круглого стола не просто пища для сна.

И никакой ты не консервант, если можешь гулко дышать,
Жизнь готовит сильный удар, так ты научись отвечать.

—

Это история, когда торфяной человек встал, хотя много
лет пролежал,

Он просто не знал, что черепаху невозможно догнать.

В этой дистанции шарм, разотри каждый шрам,

И заостри очертания клинка, ведь мы идём воскресать!

Мантра психокинеза

Это мантра, братка; душа ушла в пятки? Давай помечтаем!

Иль тебе допамина мало? Если что, то поможет лекарство.
У нас тут своя пьянка, кинем в экран сноп заклинаний,
Я не сноб, а мечтатель, мне по душе руны разных магий.

—

Это мантра, братка; душа выходит из пяток, тебя ожидают богатства,

Улыбка Бога и приятная радость, но осторожней со сладостями.

И ты порхаешь, как бабочка, смотря на Мир внимательно,
Вот же чудная мозаика, тебя радуют оттенки радуги.

—

Это психокинез, только ты не считай, что я балбес,
В меня не вселялся бес, просто у меня свой интерес.
Желаю без тромбов вен, пусть в ритме танцует сердце,
Нас музыка Мира греет, позволяя становиться мудрее.

—

Это мантра, братка; мужчина или дама, не так важно,
Будем же с тобой отважны, а наш разум будет непредвзятым.

У тебя в палитре яркие краски, давай рисовать счастьем,

Пусть из жизни уходят ненастья, пушай дружат и разные страны.

—

Это мантра, братка; Мир кажется странным, но ты же прекрасен,

Начни изучать его страстно, грузи программы в свой разум.

Вселенную окинем взглядом, приблизившись к главной Тайне,

Сил в этом танце, а я завершаю мантру, но как-нибудь возвращайся!

Как же вы опоздали

Ребята, как рассказать об этом? О такой жести не рассказуют газеты,

Подобное не светится в новостных сюжетах, все как будто ослепли.

Сосут кровь, как слепни, в этом нет и ни капельки Света,
Это скотство и мерзость, тропинка скользкая – можно отъехать.

–

Но ты готов, да? Сейчас-сейчас, я устрою тебя форсаж,
Присаживайся, глаза закрывай, расскажу тебе, как погиб Сатана.

Ой-ой, не делай такой оскал, убили вот старика,
Не пулю послав, не обнажая кинжал, люд просто его отпинал.

–

Я видел это, пацан, как Сатана на обочине подыхал,
Кровь смешалась со смрадом канав, как свинья он визжал.
На него навалилась толпа, обвиняя в своих грехах,
А он, слепой старикан, только плакал, о пощаде моля.

–

Что сидишь ты такой кислый? Почему Зло не оставило
Мира?

Да потому, что вы – кретины, взгляните ж на всю картину.
Войны, слюни и крики битвы – это ваше, это вы сотворили,

А старикан лишь с Богом бранился, намереваясь и дальше жить тихо.

–

Сколько ярости, сколько фальши – бьют слепого, в кусты его тащат,

За каждый грех на него харкают, так ничего и не понимая.

Был Сатана, что рядом лежал, но это ты его бил, ты и кричал,

И только Адам прекратил этот срам, показав, что Зло – это ты сам.

В жутко громком и запредельно близком

Верно верю, телепатия есть; временами вирален и смех,
Писатель тоже пронзает людей, касаясь буквами их сердцец.

Порой думаю, что душою слеп, есть ли в культуре какой дефект?

Интересен духовный рентген; пусть иллюзии тают, как снег.

—

Не так сложен данный эффект, нам нужна лишь помощь друзей,

Выручил виртуозно слепец, мы загрузились в рисованья процесс.

Повязку плавно на очи надел, вручая слепцу перст,
А рисовать ровно начали вместе, обсуждая очертания церкви.

—

Изображали высокий собор, над бумагой витала ладонь,
Мне казалось, вижу душой, грани Мира обращались в ноль.

Будто падал в глубокий колодец, растворяясь в движениях

ровных,

Не видел их, но шептали сотни, с Миром общаемся нота-
ми.

—

На рисунке проявлялся собор, затмевая собою всю
скорбь,

Пролетал сквозь чуму и корь, слышал Шекспира, видал
Мадонну.

Мне Мир показался огромным, хоть его и не видел тол-
ком,

Бог не зря известный художник, краски служат нам теле-
портом.

—

Собор проявлялся на свете, сам будто растворился в дет-
стве,

Мыслил слишком простецки, с искусством уже не ослеп-
нешь.

Падал в бездну, по стенкам блики, со мной падали вместе
книги,

В этом теперь растворился: в жутко громком и запредель-
но близком.

Мы стоим на Занзибаре

Они стояли там, на Занзибаре, краснелись, щёки целовали,

Вокруг плыли лишь старо-хибары, там не слышен хруст мяса.

И почему же все пляшут? Смотрю, оставлена пашня,
От них несёт чем-то квашеным, но нет гнили, нет и усталости.

—

Им лопасти Кукурузника рубят капусту, ей набивают пузо,

После идут и танцуют, что же в их головах-дуплах?
Я антрополог или трутень? Не очень понятен этос их улиц,
А вы то чего надулись? Мы тут ради бабла и науки.

—

Казалось, что наложил на себя руки, проглотив все таблетки подруги,

Потом зырю – коробки и стулья, будто на помойке очнулся.

А это Занзибар – какая же глупость! Может сюда отправляются души?

Дублин бы или Шотландии ласку, а очнулся в этой сточной канаве...

–

С тех пор исследую местных пьяниц, которые хмеля не знают,

Но что же они тогда потребляют? Их всегда наполняет радость.

Говорить невозможно – расколото сознание, от них не получишь признания,

Они гогочут, как наркоманы, в их глазах "созвездье Дурмана".

–

Но пришло время – Занзибар отдаляется, вижу лоск капельницы,

И теперь остаётся маяться, это что – какие-то галлюцинации?

За таблетки уж не буду браться, вспоминая те дикие танцы,

Во снах мы так и стоим на Занзибаре, улыбаясь тем, кто знает.

Город Бога

Потерялись в мегаполисе, чувствуя, как накрывает меланхолия,

Алкоголики и ипохондрики, быть может, ни черта и не поняли.

В громоотвод теперь бьёт молния, мы силы исполнились,
Но кровь течёт и в дни тёплые, будто бы ранка лопнула.

—

Они закроют дверь и отключат свет, чтоб в темноте искать искры надежд,

Город Бога – место, где находят хлеб, там все близки, будто растёкся клей.

Кого-то в затхлом помещении объял бред, кто-то нахвтался газет,

Со стороны кажется, ждут бед, их чёрствость сияет, как плешь.

—

Это мегаполис, это город Бога, религия лишь дряхлый провод,

Они сдадутся, дай только повод, ведь никто не знает, что можно с Любовью.

Огромный палисадник, где всё затхлое, какая нужна тут магия?

Нужда распирает гангстеров, опять кто-то преставится.

—

По их венам сангрия, их покидают знания, но нет здесь наставника,

Город скрипит, разлагается, мёртвые даже в садиках.

И нет, сие не апокалипсис, ибо в этом нет ни Бога, ни Дьявола,

Ведь тут каждый бандит отъявленный, фауна вся изъязвлена.

—

Небо окрасится в красное, призывая на помощь ядовитый дождь,

Я в порядке, не дрогнет моя жёсткая бровь, резво изменяю событий ход.

И город Бога болью не лопнет, ведь заполнит улицы нежность,

Любовь обрела своё место, а значит, впору тебе предложить Надежду.

Любовь не сгорает дотла

Животные мёрзли в песках, зрел, как город уходит в даль,
Очертания зданий покидали пляж, каждый домик погрязнет в волнах.

Человеку досталось сполна, ведь он ангелов нещадно пинал,

Теперь же скрючилась его спина, скорпионы не пожалеют жал.

—

Жаль, конечно, что конечна пробежка, ни к чему уже спешка,

Лучше тратить силы на нежность, лавируя меж памяти брэнной.

А Свобода набрала веса, так думаю, что не справится сердце,

Пожар снова возьмётся за дело, разбрасывая денежный пепел.

—

В старом доме не видно порога, жильцы понатащили коробок,

Не хожу теперь походкой бодрой, тут какой-то лабиринт чудовищ.

Культура в полдень сгорела на площади, порадовав люд-

ское сборище,

Ей надоело выходить на поприще, слушая замечания пош-
лые.

—

Сам тоже пропал в старом домике, смотря на тучи из ко-
поти,

Город пал, будто был фарфоровый, завещание не будет
одобрено.

Справедливость уже похоронена, умерла от ранения ко-
лотого,

Просто так ударяют в колокол, надеясь, что огонь задоб-
рится.

—

Мы сидели и тихо ели, за их памятью не видно двери,
Слышен звук пожарной сирены, огонь хочет отнять нашу
Вечность.

Пью чай, а они горят, они зря поверили в хлам,
А на мне несгораемый плащ, ведь Любовь не сгорает до-
тла.

Ангел-почтальон

Служу верно, но обычный почтальон, потупите свой холодный взор,

Мне бы счастья нащупать узор, но концы рубятся топором.

Огласил клиент приговор, он хочет, чтоб далеко я пошёл,
И так каждый в меня плюёт, не понимая, что я тоже плоть.

—

Не судите меня, братки, от хваткого голода лижу конверты и марки,

И сравниваю их с грибами, что галлюцинации вызывают.
Пусть это всё не реально, меня пустыня уже сломала,
Брожу в комковатой грязи, смотря, как народ умирает.

—

Днём налижусь этих марок, а ночами смотрю на пары,
Вижу, как они ругаются, голубкам не дано разговаривать.
Город переворачивается, часами долгими торчу в прачечной,

Но отжимаю всё своими руками, ярко-красным пульсирует платье.

—

Подарил его одной даме, она давно так не улыбалась,
А потом след её потерялся, исчезли стрелки и с цифер-

блата.

Под марками тускнеет город, он лопаётся, как сухая кожа,
От боли разбиваю стёкла, надеясь, что манекены дрогнут.

—

Ясным вечером доигрался, мне плохо стало от марок,
Понял, что отключаюсь, как же тогда испугался.

Мне казалось, что сделал выстрел, Бог зрел на меня с
некой искрой,

"Не падай так больше низко, а то ангел не доставит по-
сылку".

Пускай всё обратится пылью

Беги-беги, свинка, рано или поздно ножом доберусь до
грудинки,

Ты пепел, а не отличник, посмотри на своё скорбное ли-
чицо.

Ублюдка не спасёт наличка, тебя слёзы пропитают до нит-
ки,

Дано знать про тебя – ты личинка, от твоих действий во-
нзает гнилью.

–

Беги-беги, тварь, однажды станцую на глазных белках,
И никому не жаль дурака, телом молод, а в душе старикан.
Важен ты? Давай-ка, покажь; что создала твоя рука?
Это всё тупая брехня, свинка зря резво целит в века.

–

Беги-беги, жалкий баклан, об твою бошку разобью вот
стакан,

Чтоб ты начал всё понимать – ты бездарность и червивая
грязь.

Поэт? Творец? Мне плевать! О тебе люду не дано узнать,
Будешь в мусоре подыхать, не надеясь любовь обнять.

–

Беги-беги, жалкая нечисть, пара строчек и пачка рецен-

зий,

Так и остался невидимкой мерзкой, память быстро о тебе померкнет.

Столько талантов на белом свете, а ты лишь мясо для стейка,

Сдохнет свинка в мокрой постели, свинке счастье уже и не светит.

—

Стою-стою, злобная рухлядь, никогда не опущу руки,
Меня не парят твои слухи, мне известно, что я тебя круче.
Борьба с Тьмой – моя стихия, не особо заботит гордыня,
Пусть хоть всё обратится пылью, мы продолжим наш бой,
энтропия.

Абсолютный ноль

Божий психолог, шаркая, зашёл, его бледный лик сокрыл
капюшон,

Творец давно утратил контроль, в ванне хочет найти по-
кой.

Крошу булку, заливаю вино, всё должно пройти, как в ки-
но,

Мы изучим вселенское дно, тонким пальцем лопнув ядро.

—

Вот и творю всё новое, набирая Творцу ванну полную,
Должно произойти нечто особенное, вино скрывает теле-
са неплотные.

Во тьме растворяются бортики, а свечи бросаются в кол-
кости,

Рука теперь ощущает лишь волосы, кости пожираются во-
дами.

—

Мои глаза тоже не зрят, в этих бликах сверкает парад,
И нет мошек на фонарях, лишь старый астронавт распят.
Странных образов гукнет каскад, Бог устал, он не вино-
ват,

В винных водах теперь и рука, меня бездна хочет познать.

—

Крошки касаются носа, вино втекает в ротовую полость,
Мои ноги касаются солнца, пролетаю рядом с детской гор-
кой.

На ней катается кошка, она пишет чернилами строчки,
Глаза на уровне земли садовой, кажись сейчас в магме
утопну.

—

Нас топчет божий психолог, свет разбитых машин прячет
холод,

В погружении отсутствует голод, только Смерть, что пля-
шет с Любовью.

Всё падаю вниз головой, сердце стелит из мандаринов
прибой,

Обретаю в полёте покой, ведь так пахнет абсолютный
ноль.

Все разговоры – трава

Как поживают твои рёбра? Они сломаны, где же их гордость?

Слышал ты Богом в Творение вброшен, это вовсе не пошло.

Идёшь по следу из крошек, надеясь разламывать створки,
Колким копьём был проткнут, растекаясь по Миру солнцем.

–

Накинемся на Бога скопом, выискивая на мусорке доски,
В команде нужен лишь плотник, он корабль нам и сколотит.

Языки пламени крутят воронку, надеясь обжечь и здоровых,

Столп веры вижу огромный, его касания Любовью наполнят.

–

Культура лишь опасные воды, глупые в них утонут,
Подсел на астрономию плотно, вижу в Боге улыбку сверхновой.

Рифы заполняют море, теперь каждый под пледом угрозы,
В клетку нежную вклинятся громы, если не звать на помощь.

—

Помощь — не обиды помнить, ведь риф — спайка частиц
непрощенных,

Они поставят тебя на горошины, если наша надежда за-
кончится.

Риф, как гнилая смоковница, на плодородие нужно охо-
титься,

Опустимся в пучину бездонную, если станем совсем без-
вольными.

—

Сыплю вопросами неудобными — как прожить на мелко-
водье?

Мудрецом будь, буйствуй и клоуном, пусть мысли набега-
ют сотнями.

И никогда мы не будем пойманы, если поймём, что это
"игра",

Учись говорить, роль плоти важна, ибо все разговоры —
трава.

К истовым звёздам

Малышка искала карту к звёздам, икала, боялась голоса,
Готова в жертву принести молодость, лишь бы притро-
нуться к золоту.

Декорации Мира лишь сказка, тут явно не о приключени-
ях сага,

Все будут измазаны сажей, но об этом тебе не расскажут.

—

Звёзды падают, и мы падкие, нас волнуют чужие желания,
Свои же мечтания в чулане скрываются, никогда не пока-
зываясь.

Малышка жила чужими рассказами, мечтая об улице с вя-
зами,

А теперь валяется связанной, очередная клуша на свалке.

—

И как тебе звёздная карта? Светит ярко, как зажигалка?

О боже, какая досада! Небожители и тебя послали?

Иди и торгуй голосами, плоды гордость, смотри сериалы,

В серых ТЦ окопайся, пыль звёздную всё потребляя.

—

Там нигилист, тут бунтовщик, что лишь брюзжащие ста-
рики,

Как-то тоже к карте приник, думая, как прекрасно на звёз-

дах жить.

Звёзды эти пшик – детище рекламиста, они сделаны из пластилина,

Пыль и грязь на моих ботинках, гламурно-глянцевая картинка.

–

Ожидашь клич битвы? Держи звёздную карту, не повторяй ошибки,

Сам сошёл с этой тропинки, застряв в болотной трясине.

Руками копаюсь в иле, нужно расчистить себе дорогу,

Ищи же свою, а главное пробуй, нужно пробиться к истовым звёздам.

Сын Иисуса

Бог однажды бродил по рынку, среди рыбы искал смысл жизни,

Он считал это место красивым, я то знал, что это лишь видимость.

Необходим теоретический минимум, счастье не скрывается в книгах,

Быть может бродит на заросших тропинках, по лицу его скачет улыбка.

—

Решил с чудом стать единым, назвал себя Иисусовым сыном,

Иное дно обнаружил в картинах, каждый кадр разгорается смыслом.

Всё оказалось довольно близким, жаль, что раньше ничего не видел,

Смысл жизни растёт и на липах, а радость в явлениях обычных.

—

Не думай о теориях сложных, кого-то увезла неотложка, Кого-то радует и медный провод, сам пытаюсь ужиться с любовью.

Учусь связывать сценки ловко, с сердца стирая всю ко-

поть,

А вокруг столько душ знакомых, все родом из Небесного дома.

—

Временами бывает больно, Зло пытается нас обусловить,
Про смысл Мира сказано много, так попробуй его потро-
гать.

Лёгкие щекочет свежий воздух, дождь зальёт тела красо-
тою,

Можно думать и о покое, здесь главное дружить с голо-
вою.

—

Ответил Богу, что не так уж тут сложно, почаще смотри
на звёзды,

Порой думай о чём-то лёгком, чтоб Зло не завладело моз-
гом.

Мазки Мира бывают разные, окинь искусство разными
взглядами,

Пусть душа будет прекрасная, главное делать, а не только
показывать.

Много воды вокруг

Вдруг понял, что много воды вокруг, будто наша плотина испустила дух,

Где-то в иле, около рыбы, плавал обмякший труп – не к добру...

Удивительно, но никто этого не видел, может не хотели Бога обидеть?

Иначе к чему это крамольная мистика? Им бы забыть всё быстренько...

–

Так и остаюсь бдительным, мне не хочется забывать про действительность,

А труп и воды говорят о невидимом, наша почва относительно зыбкая.

Что скрывается там, в низинах? Может маньяк-душителёк?

Но народ утонул в картинах, не замечая, что вода всё ближе.

–

Вот уж деревня, вот уж попал, думал тут зелень и небеса,

Но это обои, вне их пустота, теперь понимаю, что Реальность хитра.

От себя ж глупо хотел убежать, вытирая мозоли об свой рукав,

Не спасла эскаписта и пастораль, вижу, как люди начинают страдать.

—

Чёрный ворон поспел, в палача превратился, что набрал уж гвоздей,

Он не один, с ним толпа бунтарей, они камня не оставят от этих стен.

С сутулостью чапают по воде, она в их глазах, она в животе,

Трупы людей остаются на дне, от них не исходят пузырьки надежд.

—

Сам убегаю, читая молитву воде, надеюсь её сердце станет добрей,

В сеть попадаю, трясусь, издаю серию гулких звуков.

Пусть Небеса пронзят мои буквы, поддержав этих хвойных кукол,

Одна из них мне даёт свою руку, говоря, что остаётся любить друг друга.

Стать адептом красоты

Бог, мне больше не нужны костыли, теперь я адепт красоты,

Потрясён, что существуют стихи, не изведать души глубины.

В Мире теплится чудо любви, с его светом никогда не простыть,

Из улыбок совьём путеводную нить, радуясь каждому танцу зари.

—

Нравится то, что сердце бьётся, впечатляет далёкое солнце,

С лица Бога исчезают слёзы, мы на веру не будем охотиться.

Душа-то у нас глубокая, в Мире каждый бывает художником,

Красота, как чистый воздух, пусть становится её всё больше.

—

Красоту не сложно найти, попробуй, дружище, творить, Надежду покажет и фильм, хороши же веры глотки.

Скульптуры, картины, цветки – это всё поможет в пути, Ведь не просто мы грязи комки, мы больше, чем аморф-

ная слизь.

—

Думается, что в этом смысл, красоту оценит и рыцарь,
Если пал, то лови улыбку, превратим же в мудрость ошиб-

ки.

Сердце станет эластичным и гибким, есть надежде где по-
селиться,

Меня радуют довольные лица, красота – это важный прин-
цип.

—

Хорошо быть адептом красоты, шаги веры, надежды, люб-
ви,

Мир становится совсем другим, довольным начинаю тво-
рить.

После себя оставляю штрихи, уж разрухе не победить,

А главное – будь счастлив и ты, чувствуй Бога, как Иису-
сов сын.

Зеро К

Земля подцепила бронхит – это скверно, поджарена, как гренка,

Эту пьесу писали на коленках, их лысине не поможет гребень.

Всё измеряют одинаковой меркой, им не важны иные оттенки,

Только серые и скучные сценки, только деньги, что лишают надежды.

–

В их словах хватает каденции, им нужно подавлять и сдерживать,

Казалось обман не заметят, но есть не зря воспоминания детские.

Не опускай свои руки, пусть действует fuga, почувствуй радость от звука,

Ты стрела, пущенная из лука, но воображение не подвластно науке.

–

Они скрывают, что Дух есть, в их сердцах поселился зверь,

А я давно обнаружил дверь, теперь посматриваю в небольшую щель.

Подслушивать не хотел, но услышал, что подчинили метель,

Теперь морозят не только людей, в криогене запрятана цель.

—

Ох, только подумать! Их заморозка страшнее пули, Им кажется, что иначе в будущем, но там такие же люди душные.

Морозь себя не хочу, тебе не сломать рефлексов дугу, Если ты позабыл доброту, то будешь сеять лишь пустоту.

—

Раскрыл их очевидный заговор, хотя они и не совсем скрывались,

Захожу в лабиринт из капсул, мне добраться б до самой главной.

Вокруг темнота и иней, пусть пробудятся Высшие силы, Для замёрзших лёд великая милость, но мой хлад уж любовь растопила.

Белый шум

Ослепляющий белый шум стекал по волосам, будто был он шампунь,

Ты мясо, присел на шампур, вентиляторы с людом гонят тоску.

Мир в труху, а сам ты в гробу, потребляешь давно шелуху,
Лишь вопрос "Когда же умру?" позволяет влиться в эту игру.

—

Вглядишься в лица, в их тоске вдруг решишь утопиться,
Вечный свет, как мираж в пустыне, тебя лепят из слюнявой мякины.

Голова лопнет, как спелая дыня, тебя доят — ты коровье вымя,

И не спасёт заветное Имя, давно уж на ладан дышишь.

—

Так бы описал сей кошмар — ты оказался в башнях-близнецах,

Ноги тощие лижет пожар, твоё спасение в дырявых руках.
Станцуй танец на черепах, мрака радость создаст канат,
Будешь долго падать во снах, как книгу тебя будут читать.

—

Сия иллюзия падения вовсе не метафора сновидения,

В тебя завёрнуты все измерения, ты матричное творение.
Кровь, как клубничное варенье, сознание – единицы на
флешке,

Если проклят, то взойди на дерево, главное – помни о
Смерти.

–

Ослепляющий белый шум, не дышу, делаю то, что хочу,
Зеро К, как печать на лбу, об угасании постоянно твержу.
Белый шум – составная плоти, а ты так и жрёшь наркоти-
ки,

Смотрю на ожоги Бога, так и падая в нору из кролика.

Максимальный овердрайв

Он застрелил собаку, застрелил случайно, а потом заплакал,

Конечно, мне его жалко, Мир порой тоже стреляет случайно.

Возможно Бог замешан в пиратстве, а возможно любит сладкий завтрак,

Меня больше парит сознание, через мозг Всё проявляется.

—

Каждый нейрон топливо для овердрайва, пусть тело сотрясают заряды,

Для когниций нужны и нарды, нас с тобой воскресит биохакинг.

И Мир больше не будет плакать, заживут его рваные жабры,

По нам песню споёт жаворонок, мы будем торговать печалью.

—

Говорят, что всё случайно, дело в том, что ни черта не знают,

Узор жизни великая тайна, главное бегать и развлекаться. Бегать по делам разным, а развлекаться стоит отвязно,

Пусть все блохи от тебя отвянут, нам не интересна Нирвана.

—

Сознание интересно, так-то, нам не нужна звёздная карта,
Не охотники за чужим скальпом, лишь тела своим укрепляем.

Предки прошли по спирали, нам дано исполнять завещание,

Трансцендировать постоянно, всё более с Богом сближаясь.

—

Это максимальный овердрайв, попытка сделать сальто-мортале,

Разбежаться с самого старта, обогнать и старика Адама.

Случайное происходит в низинах, но мы не станем тянуть резину,

Возьмём в руки вожжи Мира, чтоб каждый стал неуязвимым.

Гуд бай, энтропия!

Их губы читают твои мысли, вырезая на сердечке цифры,
Всё машешь наточенной бритвой, но от Рока не скрыться.

По телу волны большого взрыва, мечтаешь одолеть энтропию,

Трупам гаркнул "вы сгнили", а они обращаются пылью.

—

Ты бежишь на месте, а слуги Мира расставили сети,
В венах не тромбы, а гречка, волосы мягки, как спагетти.

Что сделали эти сукины дети? Загнали тебя в заповедник...

Раньше с Богом делил вечность, а теперь приравняли к зверю.

—

Давай-давай же, очнись! В тебе рысь, память древнейших рыб,

Озвучь рекламисту свой рык, пойми, что философия "пшик".

Их фантазии скудны и тупы, пора разломать алгоритм,
А значит, в схватку вступи, чтоб от цепей остались только

угли.

—

Я вижу всполохи битв, как достают монахи мечи,

Будет скупости повержен змий, мы больше, чем просто миг.

Их сказки про человечность – миф, копьё воображенья схвати,

И твори им назло, твори! – пусть в глазах загорятся огни.

–

Грядёт очередная вежа, человек стал человеком,

Он может и не слыл безупречным, но его творчество ломает стены.

Ты не актёр, сойди со сцены, возьми ручку, напиши свою пьесу,

Пущай лопнут энтропии скрепы, ведь уж слышен клёкот поэтов.